

ОБРАЗОВАНИЕ: РАКУРСЫ И ГРАНИ

УДК 17:378
DOI 10.20339/AM.06-20.013

В.Н. Жуков,
д-р филос. наук, проф.,
независимый исследователь
e-mail: vz736358 @gmail.com

О ПАТРИОТИЗМЕ С НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Рассматривается феномен патриотизма в его историко-философском развитии, а также в отношении положения науки и образования в современной России. Автор стремится показать неоднозначность понимания данного явления в истории страны, выявить связь патриотизма с необходимостью развития науки и высшего образования в современной России.

Ключевые слова: наука, образование, патриотизм, молодежь России.

ON PATRIOTISM FROM SCIENTIFIC POINT OF VIEW

V.N. Zhukov is Dr.Sci. (Philosophy), prof., independent researcher

Discussed is the phenomena of patriotism in its historical philosophical development, as well as in connection with state of science and education in contemporary Russia. The author strives to show heterogeneity of understanding of that occurrence in history of the country, as well as to elaborate connection of patriotism with necessity of development of science and education in contemporary Russia.

Key words: science, education, patriotism, youth of Russia.

Об особенности современного общественного сознания

Одним из наиболее заметных признаков современного вульгарно-поверхностного российского общественного сознания является то, что такое сознание постоянно, во всем, всегда и везде хочет видеть «табеля о рангах», хочет все субординировать, выстроить по принципу подчиненности. Было бы полбеды, если это сознание не выходило бы из отведенных ему рамок и удовлетворялось господством в тех сферах, где у людей дух захватывает от перспективы карьерного повышения и не вмешивалось в другие сферы жизни, где нужны не ранги, а талант, ум, способности к творчеству. Но беда в том, что такое карьерно-субординационное сознание в России давно переступило свои пределы и стало навязывать свой казарменный образ мысли тем сферам, в которых все внешние ранги (если они даже есть) весьма условны.

Ясно, что подобное, все разделяющее и соподчиняющее сознание ничего общего не имеет с подлинно демо-

кратическим сознанием, которое подразумевает, конечно, не механическое равенство, не сравнение, а именно наличие такого общего начала, общей идеи, которые объединяли бы людей как бы изнутри, делали их едиными не по форме, а по сути дела.

Одна из наиболее демократических форм общественного сознания — патриотизм, когда на давление внешней идеологии само положение вещей делает людей едиными, как бы «общниками» одного дела. Такой ненамеренный, ненавязанный, а естественный, внутренне демократичный патриотизм и был всегда характерен для России.

Соответственно, особенностью российского патриотизма (может быть, не только российского) является его общенародный характер: война 1612 г., народное ополчение Минина и Пожарского (кстати, редко говорят наоборот — Пожарского и Минина, и эта особенность не случайна, ведь Минин, в отличие от князя Пожарского, был обычным человеком, старостой нижегородской слободы), война 1812 г. («дубина народной войны»), Великая Отечественная война 1941–1945 гг. («война священная»).

Все эти войны имели исключительно общенародный характер, что и было главной причиной наших побед в них. И именно в этих войнах проявлялся глубинно-демократический характер патриотизма, когда все разделяющие людей ранги отводились в сторону. Из самой истории России видно, что общенародный, глубоко демократический характер патриотизма и обеспечивал победу.

Пойдем дальше. Сегодня в так называемых «высоких сферах» провозглашен тезис о верховенстве идеи патриотизма по отношению к знанию, науке, но даже если бы это не было провозглашено почти открыто, само положение науки и образования указывает именно на такое, разделяющее положение вещей. С каким-то странным упорством стали выстраивать табель о рангах всех сфер жизни по отношению к патриотизму. Высшее образование и наука оказались падчерицами богатой и очень патриотичной мачехи – современной российской власти. Ход рассуждения этой мачехи примерно таков: вот, если есть, с одной стороны, патриотизм, а с другой – знание и наука, то должно же быть что-то главное во всем этом, а то порядка не будет. Ну, а если так, значит, патриотизм и знание не просто различны, а одно должно подчиняться другому и понятно, что чему.

Но в действительности тот факт, что патриотизм и знание суть явления различные, совсем не означает, что одно подчиняет себя другому, т.к. сам факт различия совсем не оборачивается, не превращается в факт подчинения и субординации: эта простая, в общем-то дежурная истина недоступна таким умам. А это значит, что по своей сути такой «плоский ум» (Гегель) принципиально противоположен любому не то что научному, а просто серьезному умственному занятию, т.к. мир для такого плоского ума есть набор рангов, в достижении которых вся цель его жизни и, соответственно, утрата этих рангов трагедия для него.

Совсем не случайно наука и знание поставлены не просто в зависимость от патриотизма как что-то второе от чего-то первого, но закономерен тот факт, что эта зависимость обязательно оборачивается униженным состоянием науки и знания, да и литературы, искусства и всех тех многочисленных сфер жизни, в которых главное одно – что реально может в своем творчестве сделать человек, а не то, какой формальный ранг ему присвоен. Умы такого административного склада не терпят и не понимают никакого качественного разнообразия, качественного различия явлений действительности и обязательно стараются втиснуть эти различия во внешнюю подчиненность одного другому. Послушность, а не ум, становятся нормой жизни.

Таким образом, патриотизм есть демократичнейшее по сути своей явление, которое должно бы только стимулировать столь же демократическую форму общественно-

го сознания – науку, в которой есть один «начальник» – истина и только один подчиненный – ученый, который стремится к этой истине. Так вот, *такой* патриотизм начинается в этом случае превращаться в средство разделения, т.е. выполняет функцию, совершенно не свойственную истинному патриотизму по внутреннему общедемократическому характеру последнего. Это означает, что патриотизм истинный не может быть ни выше, ни ниже знания и науки. Такая постановка вопроса глубоко ошибочна, т.к. и патриотизм, и научное знание в своих общественно-значимых, демократических основаниях едины.

Почему молодая Россия уезжает?

При всей исковерканности жизни в современной России должностные патриоты не убили еще тягу людей к образованию. Пусть даже многие наши соотечественники хотят получать образование не в России, уже сам факт стремления к образованию, пусть и на Западе, лучше псевдопатриотизма: ведь если бы не было этого стремления к знанию, пусть и не в России, это означало бы одно: страна, ее ум, ее молодежь убиты окончательно.

Да, молодая кровь утекает из России, и на поверхности лежит очевидная причина: полунищенское существование наших ученых, отсутствие перспективы в России и др. Однако давайте на этот процесс оттока молодых талантов посмотрим глубже.

Молодость всегда радикальна, и все революции, прежде всего научные, а не только и не столько политические, совершались молодыми учеными, по крайней мере, основы их мировоззрения закладывались в молодости. Интеллектуальный порыв, революция в сознании, стремление к радикально-небывалому открытию: все это – обязательное условие развития научного сознания молодежи. Многие молодые люди в современной России иногда сознательно, а иногда бессознательно чувствуют, что в их стране наука и высшее образование стали терять то, без чего они существовать не могут, что является своеобразным «воздухом» для серьезного молодого научного ума. Это, во-первых, искренняя радикальность в научном поиске, стремление ставить все и вся под вопрос, *разумное* (подчеркиваю это специально) ерничество при анализе той или иной проблемы, критицизм, который только и спасает от лжи, и во-вторых, интернациональный универсализм науки.

Нам ответить: все это – выдумки: люди уезжают только ради денег. Но ради денег совсем не надо заниматься наукой, есть более простые и прибыльные занятия. Уезжающие прекрасно чувствуют не только материальную скудость положения науки в современной России, но

и скудость ментальную, интеллектуальную. Где, например, вы найдете развитую страну, в которой на очень высоком административном уровне занимались бы решением вопроса о связи науки и религии, т.е. того вопроса, который еще в XIII в.(!) был решен Фомой Аквинским. В какой еще стране политики открыто говорят, что не будут никого задерживать из уезжающих талантов: пусть уезжают, обычно делая совсем обратное: стараются привлечь таланты к себе.

На стенах вуза, который заканчивает будущий молодой ученый, он чаще всего не видит портретов деятелей науки, зато видит портреты успешных бизнесменов, больших начальников и, конечно, политиков, которые раньше окончили данный вуз (а учились они в основном крайне посредственно). И как же в такой обстановке не чувствовать молодому ученому себя чужим и одиноким в этой атмосфере тараканьей толкотни за карьерой, денежной наживой и др., где никому нет никакого дела до глубокого, серьезного, фундаментального развития науки? Как же тут не возникнуть мысли об отъезде туда, где этой давки за успехом, может быть, не меньше, но всегда оставлено пространство для спокойного научного творчества, всегда есть барьер, за который эта давка не допускается, где он может почувствовать себя Человеком именно потому, что занимается наукой, а не бизнесом или политикой?

Далее. Воспитание послушности при всеобщем разделении всего и вся на ранги и чины ничего общего не имеет с воспитанием глубокого, серьезного, в т.ч. научного, ума. Более того, сама существующая система современного высшего образования в России не способствует развитию научного мышления и даже препятствует ему. Можно только согласиться с утверждениями о том, что бакалавриат воспитывает исполнительскую, а не творческую психологию.

Кажется, сегодня уже становится все более очевидным тот факт, что та форма, в которой реализуется Болонская декларация в России, глубоко ошибочна. При всех отдельных положительных чертах так называемого Болонского процесса те его положения, в которых нарушается (и разрушается) целостный характер высшего образования, глубоко противоречат традиционной особенности русского мышления – стремлению к единству и цельности знания (что в значительной степени было реализовано в советской системе образования). Какой-то бесконечный культ все разделяющего аналитизма (ничего общего с научным анализом не имеющего), прогрессирующей дробности без всякого внутреннего объединяющего стержня стал характерной чертой современного образования в России.

Самое обыкновленное чувство человеческого достоинства, осознание своего таланта, стремление быть

верным ему и толкает молодых людей на отъезд. Современная система высшего образования и науки в России ставит молодого ученого перед трагической дилеммой: либо предать Родину и сохранить и развить свой талант, уехав на Запад, либо предать свой талант и отказаться от научной работы по чисто жизненным соображениям, занявшись каким-то прибыльным делом. Какая же здесь перспектива?

Эта ситуация кажется тем более странной, что все кругом только и говорят о патриотизме. Казалось бы, все должно быть наоборот: молодые ученые должны получать полную поддержку на родине. Вот здесь-то и обнаруживается противоречие между той формой административного патриотизма, которая есть в современной России, и научным знанием. Еще раз скажем, что речь идет не о противоречии между патриотизмом и наукой как таковыми, а о противоречии между той формой, оболочкой, в которой существует патриотизм в современной России, и научным знанием.

О патриотизме и любви к отечеству

Но присмотримся к патриотизму поближе. И вот что мы увидим.

Обычно любовь к Отечеству и патриотизм отождествляются, в то время как это совершенно различные вещи. Патриотизм – не просто древнегреческое слово, перешедшее в латынь. Это понятие в языческой античности подразумевало только такой тип любви к родине, который пропитан языческой страстью ко всему родному и родственному: родные боги, родные пенаты, родная земля, а человек лишь продолжение всего этого. Жить и умереть на родной земле – высшее счастье для такого патриота. Поэтому одна из древнегреческих легенд гласила, что люди произошли из той самой земли, на которой они живут, и спартанцы (самые радикальные патриоты Античности) стремились всегда выкупить тела своих погибших воинов для того, чтобы похоронить их в родной земле.

Патриотизм такого языческого склада обязательно подразумевает если не неприязнь, то равнодушие к чужим, которые живут на другой, чужой земле и пусть даже как спартанцы и афиняне говорят на одном языке, но все равно они, афиняне, чужие для спартанцев. Патриотическая страсть ко всему родному и близкому обязательно замешана не просто на неприязни всего чужого, но все родное тем более близко, чем более отвергается чужое.

Любовь к Отечеству, напротив, никогда не подразумевает ненависти к чужому, далекому и незнакомому, никогда не оборачивается страстью исключительно к родственному. Любовь к Отечеству есть именно то, что

так точно определяли наши предки: мужество в добре. Патриот может быть удивительно мужествен и умен как, например, у князя Андрея Болконского в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. Когда князь Андрей говорил, что не надо брать в плен французов, а только расстреливать их, разве это была не праведная патриотическая ненависть самого умного персонажа великого романа? Зато у Пьера Безухова, который именно любил свое Отечество и защищал его, эта любовь никогда не оборачивалась патриотической ненавистью к французам вообще.

Поэтому в русском языке и существовало слово, сегодня совершенно забытое и забытое неслучайно – Отечестволюбие. В патриотизме не может быть мужества в добре, но мужества сколько угодно, патриотизм это чувство очень страстное, сильное и глубокое, но всегда язычески ограниченное. Патриот – это, конечно, спартаец, представитель своей маленькой и одновременно могучей родины, которая дала столько примеров великого мужества, но не дала ни одного ученого, поэта, философа. Да и не могла дать. А такие же языческие, но интернациональные Афины дали столько, что по прошествии нескольких тысячелетий они занимают умы и сердца всех мыслящих людей.

Этот несколько неуклюжий в своей краткости экскурс в историю, конечно, нельзя буквально переносить на день сегодняшний – языческий патриотизм только ругать, а любовь к Отечеству только хвалить. Однако, не допуская такого черно-белого разделения и противопоставления, мы должны понять не только разницу между патриотизмом и любовью к Отечеству: это совсем не трудно. Мы должны посмотреть на вопрос глубже: сегодня в современной России, где практически открыто провозглашено господство патриотизма (не любви к Отечеству) над знанием, в самой жизни, в т.ч. и в образовании, патриотизм (опять-таки не любовь к Отечеству) поставлен над знанием и подчиняет его себе, это служит развитию нашего Отечества или наоборот?

Об особенностях современного патриотизма

Казалось бы, над чем тут еще думать: ясно, что каждый житель России как бы по определению должен быть сначала патриотом, а только потом заниматься наукой, бизнесом или каким-нибудь другим делом. Проще и понятнее ничего и быть не может. Но, как писал И. Кеплер, истинный ум начинается только там, где под вопрос ставятся общепринятые и, казалось бы, общепонятные вещи. Попробуем последовать за мыслью великого ученого.

Вот какую парадоксальную вещь мы видим в истории России. Как только Россия отказывалась от культуры

своего прошлого, зависимости от устоявшихся (родных, патриотических) традиций, как только «отчланивала» от привычных форм жизни, устоев и др., это обязательно приводило не только к небывалому взлету страны, но (что не менее интересно) к возрождению, восстановлению в новой форме и в новых условиях того, что было покинуто, того, от чего сначала отказались самым решительным образом. Князь Владимир в X в. полностью отказывается от такого родного и привычного отеческого язычества и вводит Русь в круг европейских христианских стран, Петр Первый не менее радикален в своем отказе от старых форм жизни Древней Руси и образует могущественную империю, а радикальнейший переворот 1917 г. привел к небывалому взлету науки в России.

И напротив, все попытки буквально механической реставрации, умильно-слезливого следования традициям прошлого оканчивались трагедией и провалом, будь то военно-государственный патриотизм Николая I или псевдославянофильство Александра III.

С поверхностной точки зрения, все великие реформаторы России как бы отказывались от родного прошлого своей страны: Владимир от родного язычества, Петр от старой Руси, Ленин от православной российской империи. Никто из них не возрождал духовность и старые традиции. Но по сути дела получалось так, что предателями России становились те традиционалисты, которые завели бы страну в ничтожество своей реставрацией всего традиционного. Как ни странно это звучит, возрождение традиций обязательно обернулось бы вырождением России.

Сегодня, возрождая традиции прошлого (на самом деле только реставрируя их) забывают о том, что патриотизма как одинакового на все века и случаи жизни общественного сознания никогда не было, и патриотизм в современном мире в отличие от прошлого приобрел совершенно другое качество.

Да разве патриотизм не всегда один и тот же, возраят нам, разве это не защита родины любой ценой? Но напомним нашим современным патриотам, что древняя Русь после ее христианизации называется в летописях «домом Богородицы», и наши далекие предки сложили головы на Куликовом поле, защищая ее прежде всего как «дом Богородицы». Напомним, что патриотизм после Петра I – это уже не защита «дома Богородицы» (как в Древней Руси), а защита Российской империи и ее императора как отца Отечества. До сих пор на фронтонах некоторых зданий в Петербурге сохранилась надпись: «Петру – отцу Отечества».

А в Великую Отечественную защита Родины была в т.ч. связана и с борьбой против несовместимого с социализмом нацизма, о чем сегодня почти не говорят. Важнейшей

особенностью патриотизма времени Великой Отечественной войны было единство знания, расчета и любви к Родине, хотя некоторым современным идеологам патриотизма это может показаться странным. Вот несколько примеров.

При организации «дороги жизни» в Ленинград были произведены точные расчеты о возможности льда выдерживать колонны грузовых автомобилей на определенном расстоянии друг от друга, и расчеты оправдались. В Горьком (сегодня Нижний Новгород) при слиянии Оки и Волги была устроена «приманка»: на пустынном месте за Волгой зажигались огни, имитировавшие жизнь большого города и немецкие самолеты, поднимавшиеся в светлые ночи с юга Волги вверх по ее течению, бомбили эту имитацию, практически не нанося ущерба городу, который весь работал «на войну». Таких примеров можно приводить бесчисленное число. Как здесь отделить знание и расчет от патриотизма?

Одним словом, существеннейшей особенностью патриотизма того времени был естественный сплав знания, точного научного расчета и самого патриотизма, чего в прошлые века просто быть не могло. Разделять, а тем более противопоставлять то и другое, и в голову никому не приходило. Сегодня это почти забыто, пребывая как-то на периферии воспоминаний о Великой Отечественной войне. Мне кажется: это была важнейшая черта борьбы против нацизма вообще и важнейшая черта патриотизма того времени в частности.

Как и все в мире, содержание патриотизма меняется. В чем же его особенность сегодня, в XXI в.? Она прежде всего в том, что современный патриотизм утратил чисто местнический характер и обязательно связан с теми или иными универсалистскими, интернациональными формами общественного сознания, одна из которых наука. Именно научный универсализм может сделать родную страну выше, сильнее и лучше ее самой по отношению к ее же собственному прошлому, вывести, поднять страну за рамки собственной ограниченности. Национальная исключительность состоит сегодня не в обособленности, не в самозамыкании, этим-то как раз себя и не сохранишь, а также и не в космополитической безликости, не в превращении страны в международный проходной двор. Она в том, чтобы, становясь все более интернациональной и универсальной, именно с помощью этого становится и все более национальной, но не националистической. Свое частное национальное «я» можно найти только в общем и интернациональном, тем самым избегнув двух крайностей — утраты этого «я» и преувеличения его значения.

Достижение научного величия, если так можно выразиться, важнейшая черта именно современного па-

триотизма, когда в универсализме науки находит, обнаруживает, проявляет себя та или иная страна. Это тем более справедливо для России: ведь она, как говорила Екатерина Вторая, не страна, а вселенная. Как же можно замыкать вселенную в какие-то узкие рамки ее собственных традиций в прошлом, и возрождением считать восстановление этих традиций? Ничто так не вписывается, ничто так не совпадает с вселенским характером России, ничто так не родственно этому характеру, как научный универсализм и, соответственно, ничто так не противоположно вселенскому характеру России как возрождение местнического патриотизма, самолюбование только собственными традициями, тем более в форме патриотизма административно-чиновничьего.

Поэтому истинно русский патриот — это не тот, кто только находит методы, способы осуществления этой тенденции научного универсализма как чего-то постороннего для своей страны, но тот, кто в своей же стране обнаруживает эти тенденции. Патриот не тот, кто как бы извне и сверху навязывает своей стране общемировые и глобалистские тенденции, но и не тот, для кого весь мир сосредоточен только в своем доме. Истинный патриот — это тот человек, в котором «родное» постоянно «выходит из своих берегов» во вселенское, «переливается через край», делая любую ограниченность невозможной.

Истинно подлинно суверенной современной страну делает не какая-то «суверенная демократия» (абсурдное выражение, противоречивое в терминах), а универсально-вселенский характер научного знания и образования, который обнаруживается не где-то «на стороне», а у себя дома, на родине и поднимает страну выше и сильнее ее же самой по отношению к тому, чем она была в прошлом. Это и называется прогрессом, в том и есть развитие. А не в самозамыкании в своих так называемых «традиционных ценностях», что всегда делало страну только ниже, хуже и ничтожнее даже того, чем она была в прошлом.

Заключение

Каков же вывод этой статьи? Поскольку знание и патриотизм различны, но не противоположны, то с формальной точки зрения одинаково будут неправы как те, кто ставит патриотизм выше знания, так и те, кто ставит знание, науку выше патриотизма, т.к. и в том и в другом случае исходят из разделения, а потом пытаются прийти к ложному единству. Но, как сказал бы Спиноза, не надо разделять, тогда не надо будет выдумывать искусственного единства того и другого.

Особенность положения науки и заключается в том, что она выводит человека за пределы противопоставле-

ния своего и чужого, одновременно нисколько не отрицая значения своего, родного, местного, но относясь к нему как к истоку, как к стартовой линии, как к основанию, от которого нужно идти дальше и выше и именно в этом движении и в этом взлете оправдать, подтвердить значение и роль родного стартового основания, но никогда не останавливаясь на нем. Все родное и близкое не стирается в научном универсализме, а напротив, получает более отчетливое выражение и звучание в общем и всемирно-универсальном значении того или иного научного открытия.

Но этому соответствует не патриотизм, поставленный над наукой, и тем более не патриотизм административно-чиновничьего толка, а именно любовь к своему Отечеству, которая и выражается в т.ч. во *всемирном* значении научных открытий, сделанных *русскими* учеными от М.В. Ломоносова до Ж.И. Алфёрова – открытиях, благодаря которыми ученые сделали Россию действительно мировой державой.

Обычно выражением патриотизма в науке считают слова М.В. Ломоносова о том, что будет «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать». Это, конечно, правильно, но неправильно другое: то, как понимают эти слова. Думают, что Ломоносов имел в виду банальность: вот-де и в России со временем будут такие же великие ученые как на Западе, ведь и сам Ломоносов выучился на Западе. Более пошлого

и, естественно, более распространенного понимания и представить нельзя. Получается, будто великий отец русской науки был только подражателем и копировщиком науки Запада, и в этом же подражательстве и наша общая судьба.

Но вдумаясь в эти простые и глубокие слова. Конечно, Ломоносов имел в виду не подражание и копирование (это судьба добровольных холопов), но имел в виду то, что «Российская земля» благодаря собственным, внутренним силам может дать такие же всемирно значимые образцы научной мысли. Имеется в виду, что «Российская земля» может преодолеть своими же силами собственную ограниченность и вынести себя за пределы самой же себя, поднять себя выше самой себя, а не чахнуть, не губить себя в пустом самолюбании своим прошлым или же в не менее пустом копировании Запада, а, значит, быть в вечной зависимости от последнего.

Ломоносов в этих известных словах утверждает собственную научную (значит, подлинно демократически-патриотическую) дееспособность России быть научной державой мирового уровня совсем не в силу подражания Западу, а в отрицании холопство подражания либо Западу, либо своему собственному прошлому: ведь и в том и в другом случаях не было бы подлинника, а было бы вечное самоунижение. Вопрос: почему же нами сегодня забыт этот завет?

